

В конце 2012 г. исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося русского мыслителя – логика, философа, социолога Александра Александровича Зиновьева (1922–2006). Мы публикуем подборку ответов на вопросы анкеты о А.А. Зиновьеве, а также статью его вдовы Ольги Мироновны Зиновьевой.

To the 90th anniversary of Alexander Zinoviev (1922–2006), prominent Russian philosopher, logician, and sociologist. The publication contains the questionnaire completed by V. Stepin, A. Guseinov, V. Lektorsky, V. Mezhuiev, V. Tolstykh, and the article by Olga Zinovieva.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Зиновьев А.А., логика, методология науки, социология, марксизм, коммунизм.

KEY WORDS: Alexander Zinoviev, logic, methodology of science, sociology, Marxism, communism.

Коллективный портрет Александра Зиновьева Ответы на вопросы анкеты

Подготовил доктор исторических наук, профессор О.Г. Назаров

Вопросы анкеты:

1. Когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Александром Александровичем лично?
2. Какие черты характера и факторы биографии Вас особенно поразили в А.А. Зиновьеве?
3. В чем, на Ваш взгляд, состоит тайна Зиновьева как личности?
4. Какие книги Зиновьева Вы читали? Какое произведение стало Вашей настольной книгой?
5. Как Вы оцениваете роль А.А. Зиновьева в истории нашей (Вашей) страны?
6. Как Вы оцениваете вклад А.А. Зиновьева в мировую науку и культуру?
7. Насколько актуальны идеи А.А. Зиновьева сегодня?
8. О чем Вы не успели спросить Александра Александровича?
9. О чем мы не спросили Вас?

Стёпин Вячеслав Семенович, доктор философских наук, профессор, академик РАН

1. Мы познакомились в конце 1960-х гг. на одной из конференций, проходившей в Институте философии. Я уже тогда занимался проблемами философии науки. Читал книги и статьи Зиновьева. Уже в то время Зиновьев для нас был одним из таких людей, которые пролагали новые пути в этой области знания. Такое направление как философия науки во многом развивалось благодаря работам Зиновьева.

Впоследствии мы не раз дискутировали по проблемам научного познания и подчас достаточно остро. На одном памятном для меня симпозиуме в Институте философии обсуждалась книга Зиновьева “Логическая физика”. Оппонируя ему, я сказал, что чисто логический вывод принципа связи пространства и времени не тождествен теории отно-

сительности. Эта теория предполагает и преобразования Лоренца, и их особую интерпретацию, которую только из логических импликаций не выведешь. Нужны дополнительные работы, которые связаны с деятельностью физиков. Свести все к чисто логическим формулам и построить физическую теорию как исчисление невозможно. На эту тему у нас был спор, но этот спор никоим образом не испортил наших отношений. Я по-прежнему с уважением относился к Александру Александровичу, и был уверен в том, что дискуссия не изменила такого же его отношения ко мне.

2. Прежде всего, мне всегда импонировала его смелость. Начал-то он свою работу в очень жестокое время – в сталинскую эпоху. Тогда марксизм был предельно догматизирован. Большинство преподавателей читали лекции по заранее написанным текстам. Дело в том, что среди студентов могли оказаться молодые люди, способные просигнализировать в специальные органы о том, что преподаватель не тому учит. Имея текст, преподаватель мог сказать, что он не отклонялся от заранее написанного, и предъявить текст как доказательство своей лояльности.

Такая манера догматического чтения лекций по пожелтевшим бумажкам засушивала преподавание. Студентам на таких лекциях было скучно. А Зиновьев был один из тех немногих людей той эпохи, которые эту догматику ломали.

В 1950-х гг. началось возвращение к аутентичному марксизму, что воспринималось властью как своего рода ересь. К тому времени марксизм в СССР был препарирован и сведен к положениям о диалектическом и историческом материализме четвертой главы “Краткого курса истории ВКП (б)”. Ее, как в то время подчеркивалось, написал Сталин. Эта глава считалась своего рода катехизисом советского марксиста. Шаг вправо – шаг влево рассматривался как преступление против “святого слова”.

Как раз в то время Зиновьев написал кандидатскую диссертацию. Кандидатские диссертации в тот период были объемными работами, а их защита не была ordinарным явлением. Свою кандидатскую диссертацию Зиновьев посвятил анализу логики построения “Капитала” Маркса. Она содержала много дискуссионных и даже опасных для того времени идей. В частности, в ней по существу опровергался тезис, что диалектическая логика – это некая высшая ступень развития логики по отношению к формальной.

Зиновьев показал, что диалектические противоречия, которые возникают в движении научной мысли и затем фиксируются как проблемы, вполне могут быть описаны в терминах формальной логики. В этой же работе им была предложена продуктивная интерпретация метода восхождения от абстрактного к конкретному. В общем, диссертация Зиновьева стала событием.

Зиновьев и в последующем своем творчестве проявлял и научную и гражданскую смелость в отстаивании своих взглядов. Без этого не могли выйти в свет написанные в годы так называемого “застоя” “Зияющие высоты” и другие его философско-социологические антиутопии (“Светлое будущее”, “В преддверии рая”, “Желтый дом”, “Катастрофка”).

3. Тайна Зиновьева зафиксирована в его формуле: “Я сам себе государство”. Я – свободен, я – автономен, я – суверенен. Я выражаю те мысли, которые представляются мне логичными, правильными и истинными. Все, что Александр Александрович считал неправильным, он открыто опровергал. Свои взгляды он отстаивал, не оглядываясь на реакцию властей.

4. Я читал практически все книги Зиновьева по проблемам логики и философии науки, а также его главные философско-социологические труды (“На пути к сверхобществу”, “Глобальный человек”, “Запад”). А настольной его книги у меня нет. Настольной книгой могут быть, допустим, стихи. Одно время настольной книгой у меня были сборники стихов Пастернака, которого я страшно любил.

Книги Зиновьева для меня – профессиональный материал. Я сам работаю в области философских исследований. Чтобы решать возникающие проблемы и задачи, обращаюсь к широкому кругу философской и логической литературы, где всегда были и работы Зиновьева.

5. О стране говорить сложно, хотя сделал он много. Я бы не назвал его диссидентом. Но он был тем человеком, который тайную свободу хотел сделать явной. Сегодня часто говорят: вы жили во времена тоталитарного режима, всего боялись, были скованы страхом,

у вас не было свободы. Но это неправда. Свобода была. Хотя мы знали рамки этой свободы, чувствовали, что допустимо и что нет. Но в своем творчестве часто искали пути преодоления границ господствующей идеологии. Ссылались на классиков марксизма, но особым образом интерпретировали их высказывания. Была в советское время такая манера излагать новые мысли, которые выходили за рамки общепринятых стереотипов. Впрочем, так и не раз было в истории человеческой культуры. Все мы работаем в определенной социальной среде. При этом тайная свобода у людей всегда есть.

Когда А. Зиновьев заявлял, что он сам себе государство, то это была не только декларация его личной, внутренней свободы. Это одновременно была декларация ответственности. Она включала в качестве обязательной компоненты то, что является условием подлинной науки, – ответственность перед истиной. “Платон мне друг, но истина дороже”. Истина не должна искажаться ни в угоду личным отношениям, ни под давлением тех или иных господствующих идеологических клише. И Зиновьев последовательно отстаивал этот принцип как в своих строго научных работах, так и в своем философско-литературном творчестве. Он подходил к оценке общественных событий прежде всего как исследователь, и в своих антиутопиях тоже оставался исследователем. Художественный вымысел у него постоянно оборачивался правдой социального факта, демонстрирующего нелепости охранительной идеологии. Не случайно у многих из нас, кто прочитал его книгу “Зияющие высоты”, появилась манера использовать реплики и сюжеты из нее применительно к различным житейским ситуациям того времени. Я использовал реплики из философско-литературных работ А. Зиновьева и в более поздние времена. Например, в одной из своих статей начала 90-х я воспроизвел такой фрагмент из его известной антиутопии. Строили панно с изображением Ленина – “Правильной дорогой идете, товарищи”. Но поскольку цемент воровали и добавляли песок, то скоро панно стало осыпаться. И в один прекрасный день у Ленина выпал глаз, отчего лицо приобрело свирепое выражение. Вместо “Правильной дорогой идете, товарищи” читалось: “Куда вы поперли, вашу мать”! Вот в этом весь Зиновьев! Он мог очень многое сказать о времени неожиданным образным сюжетом и емкой фразой.

Мыслителем Зиновьев был совершенно неординарным. И если говорить о том, что он сделал для нашей страны, то надо подчеркнуть следующее. Зиновьев намного раньше высказывал мысли, которые потом, лет через двадцать или тридцать, становились разрешенными и даже общепринятыми. А в то время, когда он эти мысли высказывал впервые, они звучали как крамола.

6. Зиновьев внес значительный вклад в развитие логики и философии науки, а также высказал ряд социологических идей, которые опережали свое время и обрели особую актуальность в современную эпоху. Думаю, что в культуре останутся его книги, в которых в сатирической манере высмеивался тоталитаризм, авторитаризм, подавление и оглушение личности. Он критиковал и высмеивал не только советский, но и альтернативный ему образ жизни западного общества потребления, заставляя задуматься над глубинными принципами организации человеческой социальности. Здесь он поставил много острых проблем. Интересно, что на Западе Зиновьева вначале встретили как критика советского тоталитаризма. Но когда он объективно-критически описал западнизм как особую форму социальности, отношение к нему изменилось. Апологетам западного образа жизни было не понятно, как человек, критиковавший советскую идеологию, вдруг начал критиковать западные ценности.

7. Очень важно отметить, что Зиновьев оказался одним из первых, кто поставил под сомнение идеологию западного либерализма как основу глобализации. Причем он критиковал Запад не в пользу ценностей “реального” социализма, которые пропагандировала советская идеология. Нет, он поставил более широкую проблему: если Советский Союз проиграл Западу в конкурентной борьбе, то значит ли это, что Запад является магистральным путем развития глобализирующегося мира? Ведь Запад всегда позиционировал свой образ жизни как желаемое будущее всего человечества.

Зиновьев же сделал альтернативный вывод, подвергнув критике западное общество потребления. Он показал, что это общество будет порождать все более острые проблемы и кризисы. Анализ Зиновьев завершил следующим выводом: западнизация человечества

ва может сделать историю XXI в. по своей трагичности превосходящей все трагедии прошлого.

Сегодня мир находится на изломе, просматривается цивилизационный сдвиг, фазовый переход к новому типу цивилизационного развития, отличающегося как от современного (техногенного), так и от предшествующего ему традиционалистского типа.

Советский Союз и Запад были разновидностями одного и того же цивилизационного типа, реализовывали два разных варианта стратегии его развития.

В XX в. эти два варианта конкурировали между собой. А сейчас вопрос стоит иначе: является ли сам этот тип цивилизации магистральным путем развития человечества? Ведь именно он породил глобальные кризисы, которые со временем только обостряются. И ответ напрашивается отрицательный.

Александр Александрович нащупал эту постановку проблемы. Человечество должно искать другую стратегию развития, другой путь. Иначе угроза самоуничтожения цивилизации становится все более реальной. Вполне возможны утраты цивилизационных завоеваний. Существуют угрозы ядерной катастрофы, экологической катастрофы, продолжается антропологический кризис. Зиновьев чувствовал эти угрозы и видел истоки их обострения. Его критика идеологии западнизма была прологом к постановке проблемы о новых ценностях, определяющих стратегии будущего.

8. Жаль, конечно, что он ушел. Сейчас было бы крайне интересно с ним пообщаться. Хотя я общаюсь с ним через его книги. И если я, вновь прочитав какую-то из его работ, вдруг увидел какую-то новую для себя мысль, считайте, что я задавал Александру Александровичу вопрос, а он мне на него ответил или подсказал, где искать ответ.

У Александра Александровича было редкое сочетание двух типов философствования. Первый тип связан со строгими научными критериями. Он строится по образу и подобию научного знания. А второй тип философствования, который нащупывает новые мировоззренческие проблемы, часто строится по образу и подобию художественного произведения. Или как художественное произведение, которое ставит новые мировоззренческие вопросы. Обычно каждый из нас тяготеет к какому-то одному типу философствования. А Зиновьев одинаково хорошо владел обоими этими типами. Он хорошо совмещал строгую научность, жесткое логическое мышление с прекрасными образами и метафорами, со способностями к литературному творчеству.

Возможно, в этом состоит важная особенность его исследований и его неординарность как мыслителя.

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, директор Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, академик РАН

1. Лично я с ним познакомился довольно поздно, в начале 1992 г., посетив его в его мюнхенской квартире. Встреча эта состоялась через посредство его ближайшего друга Карла Моисеевича Кантора. Непосредственным поводом было желание журнала “Новая Россия”, с которым я тогда сотрудничал, заполучить его в качестве автора, узнать его мнение о смысле происходящих в России и мире социальных изменений и о текущей политической ситуации. Посетили мы его троим: со мной была стажировавшаяся тогда в Германии дочь Лейла и мой коллега, немецкий профессор Карл Граф Баллестрем. Александр Александрович был дома один с маленькой дочкой Ксенией. Он нас приветливо принял, сразу откликнулся на просьбу журнала и предложил, чтобы ему прислали вопросы, а он на них письменно ответит (так и произошло: интервью с ним было опубликовано в журнале). При этом он совершенно не интересовался, что это за журнал, почему к нему обратились и тому подобное. Как я потом имел возможность наблюдать, это была его общая позиция. Он откликался на все просьбы, независимо от ориентации газет и журналов. Он исходил из того, что он отвечает за то, что утверждает сам. А говорить, писать он старался так, чтобы из текста можно было вычитать только то, что там написано. Его речь – и устная, и в особенности письменная – отличалась поразительной лаконичностью и точностью. Чего он и избегал более всего в мышлении и в жизни – так это двусмысленности. Договорившись быстро о деле, мы перешли к общей свободной беседе. Я с удивлением обнаружил, что он знал о моем существовании, где я работаю, семейном положении, даже знал имя сына Ильяса. Это было связано с тем, что моя первая жена Валентина Ефимовна Ермолаева

была его студенткой, специализировавшейся по логике. А своих студентов, как, впрочем, и вообще всех, с кем его сводили обстоятельства, он хорошо помнил, помнил и в силу богатства памяти, и в силу пронизательности взгляда. Встречи с ним я, честно признаться, побаивался, ибо ожидал встретить человека острого на язык, быть может, даже желчного, а за собой я знаю склонность теряться в беседе и неспособность найти быстрый ответ. Опасения оказались абсолютно беспочвенными. Нас принимал человек не только дружелюбный в качестве хозяина, но также исключительно светский, уважительный в общении. В дальнейшем это впечатление только подтвердилось.

Тогда, конечно, я не мог предположить, что мы станем близки друг другу, и мне выпадет удача (возможно, самая большая в жизни) быть рядом с ним почти семь лет – после его возвращения на родину.

2. Я уже упоминал об уважительном стиле его общения. Я бы добавил: ему был свойствен внутренний аристократизм. Он очень не любил панибратства, амиокошнства – как он называл это, не любил похлопывания по плечу, простецкого обращения “Саня” и т.п., хотя, впрочем, и никогда не одергивал такую широко распространенную “народную” манеру выражения дружеских чувств. Это я, скорее, говорю о его привычках. Что касается черт характера и биографии, то я бы выделил два чем-то связанных между собой момента.

Во-первых, его внутреннюю свободу в суждениях и действиях, опиравшуюся на его безусловное доверие к истине и жесткий реализм; он считал и не раз высказывался в том духе, что его единственная амбиция состоит в том, чтобы быть исследователем, быть бескомпромиссным в том, что касается правды, как он ее понимает. При этом у него не было ни установки, ни желания спорить с кем-то, доказывать кому-то что-то, он просто говорил и делал то, что находил правильным, не считаясь ни с лицами, ни с обстоятельствами, ни с чем бы то ни было еще (я даже обратил внимание, что он вообще не был способен в общении, в житейских ситуациях отступать от фактов: он мог промолчать, но не мог сказать что-то такое, что явно не соответствовало действительности; ему было чуждо то, что вкраплено в наше повседневное общение и что можно было бы назвать невинным обманом). Например, он вообще не отвечал на многочисленную, нередко развязную, а иногда и просто клеветническую критику. Он не только не отвечал на критику письменно, но не любил говорить об этом также и в частных беседах. Вообще надо заметить: даже тогда, когда он был о ком-то очень невысокого мнения, что могло прорваться отдельной случайной репликой, он, как правило, избегал обсуждения этого человека. Он вообще не любил спорить: вспоминается эпизод во время его встречи в рамках теоретического клуба “Свободное слово”, когда кто-то из оппонентов сказал, что они пришли туда спорить с ним. Зиновьев ответил, что он ни с кем спорить не собирается, и спорить ему не о чем, ибо в предмете, о котором идет речь, он совершенно уверен и пришел сюда, чтобы ответить на вопросы, если они у аудитории есть, разъяснить свою позицию, если она ее интересует, но ни в коем случае не спорить. Внутренняя раскрепощенность, основанная на твердых, до конца продуманных суждениях, совершенно лишенная какой-либо личной заинтересованности – вот что составляло, на мой взгляд, основу его характера.

И во-вторых, его верность судьбе; насколько я понимаю, он не делал свою биографию, он принимал ее в том виде, в каком она складывалась. Он понимал, что не имеет власти над обстоятельствами, и стремился только к тому, чтобы обстоятельства не брали власти над ним. И поэтому он ограничился тем, что от чего-то отказывался, от чего-то уходил, как отказался от заведывания кафедрой, когда от него потребовали мотивированных идеологическими соображениями штрафных санкций по отношению к сотруднику, как он ушел из редколлегии “Вопросов философии”, когда столкнулся с предвзятым мнением по отношению к его аспирантам, как ушел из мюнхенского университета, узнав, что там в нем видят не ученого, а диссидента, каковым он себя вообще не считал. Борьба с обстоятельствами – это не Зиновьев. Зиновьев – это быть самим собой при обстоятельствах, которые выпадают на долю.

3. Только в одном – в том, что он был личностью.

4. Читал все или почти все, за исключением специальных логических работ. Все его работы для меня сливаются в одну большую книгу и, хотя я знаю различия между ними,

тем не менее, им не придаю большого значения. Очень часто по разным поводам, а еще больше – без поводов, беру его книги и читаю отдельными фрагментами. Вообще, мне кажется, его романы и повести требуют особого чтения, не сплошного, не от начала до конца, а по случаю, по настроению; и читать их можно с любого места. У меня есть особая Зиновьевская полка – ей не грозит опасность запылиться.

5. Я бы назвал его одним из самых показательных и лучших документов советской эпохи. Он, как известно, не отделял себя от своей эпохи, не отделял себя до такой степени, что чувствовал свою ответственность за то, чтобы делать эпоху. И он делал ее так, как мог. Я уже где-то упоминал об одном эпизоде, свидетелем которого я был, а сейчас повторю без политкорректной ретуши. Однажды во время публичного выступления кто-то бросил Зиновьеву упрек, что он так нелицеприятно высказывается о русском народе, что складывается сомнение – любит ли он его вообще. Ответ Зиновьева был мгновенным и в высшей степени замечательным. Он сказал почти дословно следующее: “Почему я должен его любить? Это пусть его другие любят – евреи или чеченцы! А я принадлежу русскому народу, это нечто большее, чем любить или не любить”. Именно так он относился к истории своей страны и народа. Быть, а не казаться – таков был зиновьевский способ жизни. Зиновьев был критиком эпохи в годы ее торжества и был ее защитником в годы ее крушения.

6. Говорить о вкладе Зиновьева в мировую науку и культуру, как если бы он вносил свою лепту в некое общее дело, просто невозможно. Он был в ряде областей просто первооткрывателем. Возьмем, например, самую продуктивную часть его творчества – социологию. Социология была второй после логики его самоидентификацией. Он создал свою социологическую теорию, конкретизировал и проверил ее, создав теорию советского коммунизма, а также современного западного общества (западнизма), но его социология – это нечто совершенно иное, чем то, что принято считать социологией. Тут надо выбирать: или одно, или другое. То же самое можно сказать о его художественных творениях. Его романы и повести совершенно не похожи на то, что принято считать романами и повестями. Здесь нет индивидуальных образов в индивидуальности событий. Здесь герои являются носителями каких-то функций, социальных позиций. Они даже утрированы в этом качестве. Здесь нет привычных описаний внешней обстановки (природы, домашнего быта и т.д.), а только ситуации человеческих отношений в их обнаженном виде. Здесь нет очерченных линий добра и зла, авторской позиции, отличной от позиции героев, все это соединено в один клубок, где одно переходит в другое. Я не могу, конечно, описать новизну эстетики Зиновьева, но я вижу, что она по сравнению с общепринятой совершенно другая. И в этом случае надо выбирать. Я думаю, что характер вклада Зиновьева в науку и культуру, то новое, что он несет с собой, еще предстоит осмыслить; это будет выявляться по мере развития и по мере того как самим ходом событий будут подтверждаться или опровергаться его теории.

Я лично специально изучал то новое, что внес Зиновьев в понимание человеческой морали, и пришел к заключению: он действительно в этом вопросе (который, вообще-то говоря, был для него побочным) сказал нечто такое, что позволяет его ставить в один ряд с величайшими моралистами истории. Он показал, что моральная позиция личности формируется в противостоянии законам социальности и в той мере, в какой индивид придает своей жизни экспериментальный характер, следует программе, которую сам же для себя вырабатывает.

7. Однажды мы с Александром Александровичем заговорили об одном дутом авторитете, в частности, о невероятно помпезном юбилее того человека, богато оформленном издании его банальных текстов, вельможной обстановке его жизни и т.д. Тогда я сказал ему: “Вы должны его понять, он все получает сейчас, при жизни, ибо после смерти ему ничего не светит. В этом отношении его ситуация и Ваша – прямо противоположны”. Он засмеялся своим искренним, радостным смехом. Могу и сейчас повторить: актуальность идей Зиновьева – возрастающая величина.

8. Нет. Нет ничего такого, о чем бы я хотел спросить и не спросил. Более того, на все вопросы, которые можно было бы задать Александру Александровичу, можно найти ответ в его книгах, ведь его книги – не только о советском коммунизме, о Западе, о будущем,

о методологии научного познания, об Институте философии, об Ибанске и т.д. Все они – также о нем самом, все они исповедальны.

Может быть, есть один вопрос, на который нет прямого ответа в его произведениях, но который я ему однажды задал. Я сказал приблизительно следующее: “Вы знаете, Александр Александрович, я никак не могу выстроить образ мира, в котором факт смерти нашел бы свое законное место и примирил меня с ним”. На это он мне ответил резко, не ответил даже, а отрезал: “Я не хочу даже думать об этом, так это устроено в жизни”.

9. Вы не задали мне следующий вопрос: Как Вы оцениваете непоследовательность Зиновьева, который из противника советского коммунизма стал его апологетом? Задай вы его мне, я бы ответил так: нет ничего более последовательного и человечески достойного, чем эта непоследовательность. Зиновьев, подвергая беспощадной критике советский коммунизм в годы его расцвета, был его противником не больше, чем Гоголь был противником народа, когда он выводил свои карикатурные образы в “Мертвых душах”. А защищая советский строй и советское государство в годы их всемирного поражения, он был их апологетом не больше, чем Пушкин был царедворцем тогда, когда писал свое знаменитое “Клеветникам России”.

Лекторский Владислав Александрович, доктор философских наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом Института философии РАН

1. Я впервые увидел Александра Александровича, когда учился на 4 курсе философского факультета МГУ. Это было в 1953 г., вскоре после смерти Сталина. Уже осенью этого года на факультете стало происходить нечто невозможное раньше. Защитил кандидатскую диссертацию Эвальд Васильевич Ильенков, который сразу начал вести спецсеминар среди студентов по логике “Капитала” Маркса. Он ещё не был утверждён ВАКом в кандидатской степени, но уже стал преподавать (ВАК не присваивал ему кандидатской степени довольно долго, если не ошибаюсь в течение двух лет, так как у философского начальства возникли большие сомнения в марксистско-ленинской выдержанности его идей. Александр Александрович с присущим ему остроумием называл в это время Э.В. Ильенкова: “кандидат в неандерталы”). Вскоре после этого на кафедре логики обсуждалась кандидатская работа самого Александра Александровича – обсуждение было довольно острым, не все члены кафедры принимали подход А.А. Зиновьева в анализе логики “Капитала”. Тематика кандидатских диссертаций Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева была, таким образом, близкой, хотя одну и ту же задачу они решали по-разному. Из этого потом выросли их теоретические разногласия, доходившие даже до противостояния. Но тогда они действовали вместе, считали себя союзниками и даже, как мне кажется, друзьями. Я помню, что во время обсуждения работы Александра Александровича на кафедре выступил Э.В. Ильенков и похвалил автора работы за творческую дерзость (до этого там хвалили кого-то за скромность). Когда год спустя Э.В. Ильенков вместе с В.И. Коровиковым подали для обсуждения на Учёный совет факультета тезисы о предмете философии (они утверждали – в 1954 г.! – что предмет философии – это теория познания), и эти тезисы в течение нескольких заседаний не столько обсуждались, сколько осуждались, то одним из немногих, кто поддержал авторов тезисов, был Александр Александрович. Я тоже, тогда студент 5 курса, выступил с поддержкой позиции Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова (конечно, плохо тогда представляя, чем мне это грозит). Тогда я и познакомился с Александром Александровичем. Он произвёл на меня огромное впечатление: не только тем, что он писал и говорил (а это было совершенно необычно), а и тем, как он говорил, как двигался, как общался с людьми.

Когда спустя два года (в 1957 г.), после всяческих перипетий мне удалось поступить в аспирантуру сектора диалектического материализма Института философии АН СССР, где в те годы работали Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев, я начал видеться с Александром Александровичем несколько раз в неделю. Для меня знакомство с Александром Александровичем – одно из главных событий в жизни.

2. Александр Александрович – личность героическая. Если и стоит кого-то включать в число “замечательных людей”, то прежде всего его. Что это человек необыкновенный, было ясно при первом же знакомстве с ним. Но когда я узнал его лучше, когда я смог видеть, как он вёл себя в самых тяжёлых обстоятельствах (исключение из партии, лишение

орденов и званий, лишение гражданства), когда я узнал о его прошлом (сначала из его устных рассказов, а потом из написанных им книг), я понял, что это человек совершенно уникальный, человек, который смог сохранить цельность и верность своим принципам несмотря ни на что и вопреки всему. Удивительная черта характера Александра Александровича – говорить правду, невзирая ни на какие обстоятельства.

3. Тайна личности А.А. Зиновьева в том, что он всегда и во всём был внутренне свободен. А такая свобода предполагает следование моральному принципу (как утверждал Кант). Таким и был Александр Александрович: свободный человек в таких обстоятельствах, которые должны были исключать всякую свободу.

4. Я читал многие книги Александра Александровича: и теоретические работы, и художественные произведения. Из теоретических работ специально хочу выделить изданную посмертно книгу “Фактор понимания”, в которой подытожено то, что сделал Александр Александрович в логике, методологии науки, теоретической (логической) социологии, социальной философии. Из его художественных произведений (хотя все они одновременно и исследования, так что грань между теоретическими разработками и художественными текстами в его творчестве условна) для меня остаётся особо значимой его первая книга “Зияющие высоты”.

5. С работ Александра Александровича (так же, как Эвальда Васильевича Ильенкова) начинается новый этап в развитии отечественной философии: возникла новая проблематика, появились интересные люди, возникли разные философские школы. Если есть основания считать, что в 1960-е – 1980-е гг. наша философия в лице своих наиболее ярких представителей пережила своеобразный ренессанс, то ясно и то, что это было бы невозможно без того, что сделал Александр Александрович в теоретической философии, логике и методологии науки. Я думаю также, что никто не смог так глубоко осмыслить советский опыт во всей его противоречивости, как это сделал он. Считаю, что вклад Александра Александровича в это осмысление до сих пор недооценён.

6. Вклад А.А. Зиновьева в мировую науку – это и предложенные им новые подходы в логике (комплексная логика), и его теоретическая (логическая) социология, не похожая на то, что предлагалось и предлагается в других странах. Я считаю, что его концепция современного глобального мира (“всемирный человек”), его анализ коммунизма и западнизма, его идеи о поглощении физического времени временем социальным, его рассуждения о возможности направленной социальной эволюции и опасности в этой связи полной утраты осмысленности человеческой жизни – это не просто глубокий анализ современных мировых процессов, это формулировка таких идей и теоретических концепций, к которым современная мировая мысль только подходит. Александр Александрович предугадал ту проблематику, которая только теперь начинает осознаваться в качестве острой и главной. Ведь речь идёт о судьбе современной цивилизации.

7. Его идеи исключительно актуальны. Почему дело обстоит так, я сказал в ответе на предыдущий вопрос. Сегодня эти идеи даже актуальнее, чем тогда, когда Александр Александрович писал свои книги.

8. Дело не в том, что я не успел о чём-то спросить Александра Александровича. Я не всегда решался обращаться к нему с вопросами, касающимися его лично, хотя я дружил с ним, начиная с 1955 г. мы звали друга на “ты” и обращались друг к другу по имени. Теоретические вопросы мы обсуждали, о своей жизни он что-то рассказывал, что-то нет, но я не решался расспрашивать его о том, о чём он не считал возможным говорить. Сегодня мы можем прочитать его книги, в которых он, как кажется, рассказал всё о себе без утайки. И эти книги убеждают меня ещё раз в том, что это была необыкновенная личность.

Межуев Вадим Михайлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

Я не считаю себя знатком творчества А.А. Зиновьева – ни как логика, ни как социолога. Я не был его учеником, соратником, последователем и даже близким другом, хотя знаком с ним со студенческих лет, когда он, кажется, уже заканчивал аспирантуру. Затем общался с ним (вплоть до его отъезда за границу) в Институте философии, а также в компании наших общих друзей, а после его возвращения в Россию являлся постоянным членом руководимого им Интеллектуального клуба в Московском гуманитарном универ-

ситете. Разумеется, давно знаком и поддерживаю дружеские отношения с его супругой О.М. Зиновьевой. В течение всего времени нашего знакомства мы, как мне кажется, хорошо относились друг к другу и не сказали друг о друге ни одного дурного слова. Думаю, что в советское время А.А. Зиновьев никак не выделял меня из общего круга известных ему в то время философов и даже не знал, чем я интересуюсь и занимаюсь. Я, разумеется, читал многое из написанного им (хотя, конечно, далеко не все), но воспринимал его книги, честно говоря, не столько как науку и даже философию, сколько как своего рода социологическую публицистику, написанную с присущим Зиновьеву умом и талантом. Мне всегда казалось, что подобно многим русским дореволюционным мыслителям, он мыслил в форме не столько строго теоретического знания с его понятийным языком, сколько литературных образов, метафор, иносказаний и пр. Его язык полон придуманных им оксюморонов, которые он ввел в широкий оборот (“зияющие высоты”, “катастрофка”, “человеиник” и пр.). Да и он сам называл себя основоположником особого литературного жанра, названного им социологическим романом. Он, как мне кажется, обладал даром выдающегося сатирика и социального критика, способного улавливать в происходящем прежде всего его негативную, теневую сторону, порой предельно гиперболизируя ее в своем творчестве. Светлая, радостная, внушающая надежду и оптимизм сторона жизни его как-то интересовала меньше. Поэтому все написанное им выглядит как огромный памфлет на окружающий мир и современное человечество. Но, повторяю, я не берусь судить о реальном вкладе Зиновьева в мировую науку, в частности, в логику и теоретическую социологию. Пусть об этом судят специалисты. Насколько мне известно, сам он претендовал на создание фундаментальной социологической теории, объясняющей природу и причины возникновения существовавшего у нас общественного строя, считал его реальным воплощением идеи коммунизма. Но в чем состоит эта теория, я так и не понял, а в коммунистической природе этого строя я всегда сомневался. В данном вопросе, как я полагаю, мы придерживались разных взглядов.

Несомненно, наряду с Э.В. Ильенковым и М.К. Мамардашвили, А.А. Зиновьев, во всем дистанцируясь от них, занимал в философском сообществе того времени лидирующее место, хотя и стоял от всех остальных особняком. Его высоко ценили как крупного логика, но особенно как островола, едкого критика режима и господствовавших тогда нравов в академической среде. Но настоящая всероссийская известность пришла к нему, конечно, с появлением в самиздате его первых книг, изданных за рубежом, в первую очередь – “Зияющих высот”. Это была злая и остроумная сатира на наше философское сообщество, а заодно на всю советскую власть, сразу же сделавшая Зиновьева в глазах демократической общественности в России одним из наиболее ярких диссидентов, оказавшихся за границей. Как выяснилось впоследствии, Зиновьев никогда не считал себя антисоветчиком, весьма отрицательно относился к современному Западу, фактически проклял горбачевскую перестройку и считал поражение коммунизма в СССР катастрофой для России. С такой позицией можно спорить и не соглашаться, но нельзя отрицать, что именно у Зиновьева она нашла наиболее яркое обоснование. В конечном счете, отстаиваемая Зиновьевым позиция стала логическим завершением его былых споров с Ильенковым и Мамардашвили – каждый из них по-своему выразил один из важнейших трендов российского общественного самосознания.

Если оценивать творчество А.А. Зиновьева в целом, то, как мне кажется, в нем раскрывается достаточно реалистическая, но в тоже время весьма пессимистическая картина современного мира, в котором почти не осталось места человеческому взаимопониманию. Этот мир можно теоретически познать, сделать объектом социологического изучения, но он совершенно лишен теплоты человеческого общения, закрыт для нормальной коммуникации между людьми. Короче, это мир не людей, а “человеиников”. В какой-то мере в своей манере мыслить, говорить и писать Зиновьев сам демонстрировал эту закрытость. Он и жил, похоже, с сознанием своей интеллектуальной обособленности, своей теоретической отъединенности от других, невозможности идентифицировать себя с каким-либо научным сообществом. Социум предстает в его сочинениях исключительно как объект внешнего наблюдения, в нем нет ничего, с чем можно себя отождествить, посчитать своим и близким. Я назвал бы такую позицию позицией интеллектуального одиночест-

ва в мире, в котором можно существовать только за счет самоизоляции, иронии и беспристрастного анализа окружающего мира. У Зиновьева я как-то увидел нарисованную им картину волка, одиноко воющего в лунной ночи. Что-то в этой картине показалось мне автобиографическим.

Толстых Валентин Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

1. Давность лет и пробелы в памяти мешают вспомнить, когда и как познакомился я с Александром Александровичем. Помню лишь, произошло это в начале 1960-х, раньше, чем я стал сотрудником Института философии (1970 г.). Однако по ощущению, чисто субъективно, кажется, что знал его давно, “всегда”, так этот факт и выглядит, значитесь в моей личной биографии. Знакомились не как “философы” – ставлю слово это в кавычки, потому что сам себя, строго говоря, философом не считал и не считало, несмотря на аспирантуру по философии и две защищенные диссертации, кандидатскую и докторскую. Нас с Сашей соединила и сдружила не профессия, а то, что именуется *симпатией*, полагаю, взаимная. Мы как-то сразу стали просто друзьями, а не сослуживцами или компаньонами, породненными общим делом или организационно. Скажем, теми коллективными трудами, которые в 1960-х – 1970-х гг. я часто придумывал и инициировал. Общение с ним постепенно стало внутренней, личной духовной потребностью. Встретились мы, когда он уже не курил и не выпивал (в отличие от нас с Эвальдом Ильенковым, с которым я тоже дружил), и наши совершенно трезвые встречи и разговоры мне очень нравились, всегда радовали. Его вниманием ко мне я дорожил: он был на семь лет старше, прошел войну со всеми её напастями и испытаниями, затем успешно закончил прославленный МГУ, сразу же заявив себя самостоятельно мыслящей личностью и талантливым ученым. Мне всегда было чему поучиться у Зиновьева, а чем он конкретно, предметно меня “зацепил”, поясню, отвечая на последующие вопросы.

2. В портретной характеристике Зиновьева я бы выделил две стороны или черты: *биографическую* и *индивидуальную, личностную*. Зиновьев – потрясающе интересный и самобытный человек, неожиданный и парадоксальный: не только талантливый собеседник и автор многочисленных сочинений, научных и писательских, но и уникальная по своей природе натура, характер, энергетика и темперамент. Родом из костромской деревни, жил и рос в обычной крестьянской семье, наглядно подтверждая и утверждая несомненность того факта, что часто поминаемая “многовековая отсталость” не мешала России рождать *собственных Платонов*. Внешне строгий, жесткий в суждениях и оценках, “неприступный”, как на некоторых фото, он в обычных, бытовых ситуациях предстал и выглядел простым, “своим в доску”, парнем или мужиком, а то и шаловливым ребенком. На юбилейном вечере по случаю его 70-летия (в Доме журналистов), жена моя, поздравляя его, заметила, что Саша Зиновьев не только серьезный ученый, но и большой шалун, проказник, способный, если захочется, например, “залаять по-собачьи”, что юбиляр, по просьбе, тут же продемонстрировал, вызвав хохот и аплодисменты присутствующих. Широтой, простотой, всем богатством своих способностей Зиновьев щедро делился во время сотворения знаменитой стенной газеты “Философ”, которую в советские времена сбегались “прочитать” в день выпуска многие москвичи из окрестных институтов. Нравились помещенные там его стихи и карикатуры на “героев” того времени, вроде Митина, Иовчука и Константинова, иронические портреты сотоварищей, в том числе и автора этих строк. Его “Зияющие высоты” своей наблюдательностью, емкостью и точностью описания нравов, примет и характеров советского времени воспринимались с живым интересом и ответной реакцией.

Александр Зиновьев вообще – явление и понятие *рукотворное*, созданное по проекту, который он сам придумал и воплотил. Далеко не всем он нравился тогда, нравится и сейчас. Так ведь не всем он и хотел понравиться?! Знаю, кого-то раздражает придуманная им формула: “Я – отдельное государство”, своим пафосом и претенциозностью, если трактовать её буквально. Но ведь в ней заложен серьезный смысл, который угадывался и прочитывался всеми, кто не был в восторге от распространенного в сталинские времена определения народа, масс как *винтиков единого государственного механизма*. Зиновьев, не скрывая того, был откровенно не согласен и возмущен всеми признаками того, что под-

ходило под определение “казарменного коммунизма”. Собственно, на такую реакцию он и рассчитывал, раздражая подобными “формулами” власть и элиту, которая ей прислуживала. У нас ведь и сегодня понятие личности сопрягается с “великими”, а все остальные числятся по разряду “простого человека”. Некоторая вычурность зиновьевской формулы лично мне не мешала разглядеть её суть и смысл (как в последнее время тревожит и раздражает нынешняя апология “прав человека”, уродливая своей безотносительностью к его обязанностям и ответственности). Меня давно заинтересовала тема отношений человека и жизненных обстоятельств, которые, как известно, никто из индивидов не свободен выбирать по своему желанию и вкусу. Мы застаем их уже данными, “готовыми”, со школы узнав и усваивая знаменитую сентенцию: *жить в обществе и быть свободным от общества нельзя*. Её аксиоматический смысл помогали усвоить учителя и свой скромный жизненный опыт. Думаю, не я один в молодые годы сначала смутно, на романтический лад, а потом уже осознанно и упрямо настраивал себя на мысль быть, стать хозяином, “субъектом”, собственной воли и жизни. Убеждаясь в том, как непросто этого добиться в самой реальной жизни, не раз и не два попадая в ситуации, когда условия, “обстоятельства”, и их перемена существенно ограничивали мою свободу воли, заставляли принимать не совсем “мои” или угодные мне решения. Сознать, что буквально на каждом шагу *обстоятельства* могут помешать, а то и лишить тебя свободы по-своему мыслить и поступать. Много раз видел, как печально выглядит человек со “спутанной” совестью, вынужденный постоянно ссылаться на “дурные обстоятельства”, либо поминать “чёрта”, который его “попутал”.

Личностное кредо и позиция Зиновьева, когда я с ним познакомился, вывели меня на иной, более высокий уровень осмысления той же темы и проблемы, когда свобода индивида мыслится и выступает в роли бродильного вещества и как гарантия сохранения не только человечности самого индивида, но и всего человеческого рода, на чем, собственно, и настаивали мыслители-гуманисты. Правда, в отличие от Зиновьева, я не ставил под сомнение, не оспаривал правоту и основательность тезиса *нельзя жить в обществе и быть независимым от него*. Однако хотелось понять, как состыкуется с ним противопоставленный ему тезис *Я есть суверенное государство*, по происхождению крепко-накрепко связанный с реальной социальностью. С учетом того, что все многовековые попытки, от Аристотеля до Канта, найти и определить общие, абсолютные, законы нравственного бытия и поведения индивида вне и независимо от социальной природы человеческого бытия оказались тщетными. Тщетными являются и притязания (или претензии) индивида на абсолютную свободу от общества – индивида, для которого жажда самой этой свободы является лейтмотивом во всех его помыслах, действиях и поступках. Зиновьев это прекрасно сознавал и понимал, заметив в ходе своих размышлений, что лелеемое им “суверенное государство”, строго говоря, возможно лишь за пределами нынешнего “человеческого муравейника”. И если оно дает о себе знать даже в таких условиях, то лишь в форме *акта героизма и личного мужества*. Что сам старался реализовать и подтвердить в качестве принципа и примера собственной этики и поведения. Современное человечество явно не готово взять этот принцип на вооружение, потому что еще не готово совершить обряд массового (абсолютного!) отрезвления и избавления индивидов от иллюзии о собственном величии. Подобное *прозрение* роду человеческому пока не грозит, и в этой ситуации было бы большим достижением добиться более ощутимых результатов в сопряжении свободы и ответственности, прав и обязанностей индивидов.

Таким образом, для меня Зиновьев – провидец в осознании мало кем и сегодня ощущаемого факта, что человечество, столь щедрое на изобретение и внедрение все новых достижений своего разума в сфере производства и потребления цивилизованных вещей и “игрушек”, в то же время *не готово посмотреть на себя со стороны и в личном зеркале увидеть себя таким, какое оно есть на самом деле*. В сочинении “Русский эксперимент” (1995 г.) он придет к неутешительному выводу: “Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых гуманных идеалов”.

3. Вопреки известному мнению, что *чужая душа – потёмки*, в моей памяти и представлении Зиновьев был и остался человеком вполне открытым и ясным. Конечно, не нараспашку, и отнюдь не простаком, в чем быстро убедился Запад, когда познакомился и узнал его поближе. Его воспринимали как антисоветчика, а он таковым не был, чем многих по прибытии на Запад разочаровал. Проявленный поначалу бурный интерес к нему западной общественности скоро поутих, поредел, хотя еще и сохранялся: Зиновьев не давал себя забыть, создавая новые сочинения, одно острее и неожиданнее другого. Да и в постсоветской России отнюдь не все воспринимали его как антисоветчика, продолжая интересоваться, что Зиновьев по тому или иному поводу “думает и сказал”. Книгу его о перестройке и “горбачевизме” я прочитал в Нью-Йорке, будучи в командировке, буквально взахлёб, за одну ночь, и хотя во многом был с ним согласен, все-таки её “антигорбачевский” пафос не разделял. Перестройку как идею и потребность перемены, обновления “реального социализма”, считал (и до сих пор считаю!) идеей прогрессивной и плодотворной, но, увы, погубленной руководством и определенными кругами и силами внутри партии. В то же время согласен с зиновьевским выводом и термином “катастрофа”, которым он точно и справедливо подведет общий итог событий, происшедших в 1991–1993 гг. Еще до возвращения философа в Россию, до путча 1991 г., я поставил на обсуждение Клуба “Свободное слово” тему “Советское общество и советский человек: точка зрения Александра Зиновьева”. Помимо обсуждения самой проблемы, клубное сообщество высказалось и по вопросу, какое мнение верно: Зиновьев – “антисоветчик” или “апологет коммунизма”, “реаниматор вчерашней идеологии” или “певец вековой “отсталости России”. Разнобой во мнениях и оценках был большой. Но сам философ ответил на него честно и обстоятельно через два года в том же клубе и составе – на “Встрече с Александром Зиновьевым” (июнь 1993 г.). Русская заграничная пресса много и активно обсуждала тогда тему “Зиновьев без маски”, имея в виду острую критичную позицию философа по поводу неолиберального переворота, совершенного в России командой Ельцина. Тем, кто считал его “жертвой режима и коммунистического рабства”, он сам ответил: “Извините, в Советском Союзе я был абсолютно свободный человек. Не я жертва режима. Режим – моя жертва. Режиму от меня досталось больше, чем мне от режима”.

Зиновьев не безгрешен, как и все мы, очевидцы и вольные или невольные участники тех процессов и событий. Однажды, когда разгорелся жаркий спор и Зиновьев резко высказался (осудил!) поведение нашей достославной советской интеллигенции в ходе перестройки, я позволил себе тут же по-дружески несколько охладить его полемический задор ехидным вопросом: “А ты вспомни, за что тебя выслали из СССР?” Если обсуждать эти темы, выходя за пределы юбилейных высказываний и признаний, то, полагаю и убежден в том, что проблему “геополитической катастрофы”, постигшей советский “реальный социализм”, еще предстоит подвергнуть обстоятельному и беспристрастному анализу, где, убежден, без обращения к теоретическому наследию Зиновьева никому не обойтись.

Что же касается “таинства” зиновьевского отношения к миру, то для меня оно состоит, пожалуй, лишь в том, что его яркая и неподдельная субъективность, вся зиновьевская “метафизика сердца и духа”, находилась под бдительным присмотром и контролем излюбленной им логики и социологического мышления, нормами и законами которых он блистательно владел. Они-то и снимали излишнюю эмоциональность его чисто человеческих восприятий и оценок реальности.

4. Я не считаю себя специалистом по исследованию теоретического и писательского наследия Александра Зиновьева, поэтому воздержусь от обобщающих суждений и оценок. Но назову те его труды и сочинения, которые сыграли важную роль в моей собственной теоретической работе. Поистине откровением явились для меня не “Зияющие высоты”, сочинение полемическое и в морально-этическом плане не безупречное, а написанная Зиновьевым в 1980 г. книга “Коммунизм как реальность”, высоко оцененная престижной премией Алексиса Токвиля, и спустя десятилетие – её продолжение, книга “Кризис коммунизма”, о зловключениях реального социализма в период перестройки (1990 г.). Что бы ни говорили и ни писали об ушедшем XX веке, это был век противостояния коммунизма и капитализма, горячих и холодных состязаний двух систем. Названные выше труды интересны уже тем, что их автор не скрывал того факта, что коммунизма он не любит, как гово-

рят в таких случаях, не принимает его душой. Но это дело личное, намного существеннее то, что вместе с тем он признает за коммунизмом право на появление в истории, и заявку его на будущее. Казалось бы, кому как не критику реального социализма ополчиться на пресловутый “застой” или сталинские репрессии. А он, спокойно и живо, “по-зиновьевски” скрупулезно, описал достоинства и пороки реальности сталинских времен, проблемы и зловония перестройки и контрперестройки 1980-х–1990-х гг.

Чем интересна, на мой взгляд, его трактовка коммунизма? Для Зиновьева коммунизм – не случайный зигзаг истории, и не гениальная выдумка социалистов-утопистов и Маркса. Идея такого жизнеустройства имеет глубокие корни в самих основах человеческого бытия. Что, по его мнению, подтвердило и развитие индустриальной (техногенной) цивилизации, где столкнулись и борются две тенденции и парадигмы людского существования – деловая, “делаческая” с одной стороны, и коммунальная, общительная, “коммунистическая” – с другой. Таково живое противоречие самой движущейся исторической реальности, и оно, по убеждению Зиновьева, сохранится даже тогда, когда на планете не останется ни одной коммунистической страны и ни одного коммуниста по убеждениям. Согласитесь, читать это в книге человека, который не считал себя самого ни коммунистом, ни марксистом, было не просто интересно, но и поучительно. Характерно, что Зиновьев не скрывал своего презрительного отношения к тем, кто еще недавно, с партийным билетом в кармане, клялись в верности коммунизму, ругали рынок и всё “буржуазное”, а сегодня с тем же пылом клянут первое и восхваляют второе. Но, живя тогда не в России, он, понятно, не мог лицом к лицу встретиться и откровенно поговорить с ныне неожиданно прозревшими критиками коммунизма и марксизма, решившими заново переписать историю России. Тогда я опубликовал свою статью-рецензию на книгу Зиновьева с заглавием “Знаете ли вы, что такое коммунизм?” (1994 г.), а еще раньше, тоже в центральной газете, пригласил желающих публично поспорить с Зиновьевым в своей статье “Вы что, боитесь Зиновьева?”. Рецензия завершилась таким абзацем: «Недавно в телевизионных “Итогах” демонстрировался эпизод уличного интервью из Тбилиси, в котором грузинка-интеллигентка, жалуясь на невыносимые условия жизни, в ответ на вопрос интервьюера, “не хочет ли она, чтобы вернулись коммунисты?”, ответила так: “Нет, я не хочу, чтобы вернулись коммунисты, но я хочу, чтобы мы жили так, как при коммунистах”. Мне кажется, Зиновьев понял бы эту женщину правильно, заметил я в статье. А как её поймут власти предрешающие и обслуживающие их интеллектуалы – не известно. Мы ведь опять затеяли большое историческое дело и, значит, как всегда, за цену не постоим...».

В “Кризисе коммунизма” Зиновьев подробно опишет советское общество с его жизнеустройством, человеческими отношениями и ценностями, нормами общечеловеческой психологии граждан. Нисколько его не приглаживая, не возвышая. Симптоматично, что он прогнозирует и конечную станцию перехода к новому обществу, кратко и выразительно обозначив его суть – *колониальная демократия* (вспомните недавнее определение – “суверенная демократия”). Не оставил без внимания он и Запад, который увидел и обжил вблизи, написав “Западнизм”, где дана нелюбимая картина и критика уклада и образа жизни, задевающая за живое любого “западника” – европейца или американца. В те же 1990-е гг. вышел ряд его книг (“Гомо советикус”, “Иди на Голгофу”, “Катастрофка”, “Живи”, “Смута” и др.), посвященных темам и проблемам уже нового, постсоветского бытия, которое он встретил и оценил не менее нелюбимым.

Сопоставление последнего с характеристикой советского общества и образа жизни, конечно, возмутит любого антисоветчика (типа Новодворской и Ципко), но Зиновьев верен себе и тут, оставаясь на почве реальности, а не идеологических пристрастий. С ним не поспоришь, “тут ни убавить, ни прибавить”, как писал поэт, и потому околловластная элита и притихшая интеллигенция обходила и обходит Зиновьева до сих пор стороной, молчанием. Не желая считаться с тем, что в реальной общественной жизни столкнулись в противостоянии три идеологии: национальная (и националистическая), неолиберальная (и псевдо-демократическая), социалистическая (и квази-коммунистическая), а в центре идейных споров оказались темы и проблемы, затрагивающие жизненные судьбы миллионов людей – *какие перемены их ожидают, ради чего и в чьих интересах проводятся так называемые реформы?*

Особо отмечу, что Зиновьев был желанным гостем клуба “Свободное слово”, и всякий раз, когда он появлялся и выступал в нашем свободном сообществе, общение и обсуждение проблем отличались повышенным градусом полемики. Не только на уже упомянутой “Встрече” с ним, когда он предельно откровенно и искренне отстаивал свои взгляды и гражданскую позицию. Лично меня заинтересовала тема и его мнение об *Идеологии будущего*, что он сам предложил обсудить. Это было интересно по разным мотивам и соображениям. Скажем, потому, что многие считали его очень “идеологичным” идеологом, а кто-то – самым внеидеологичным мыслителем конца XX – начала XXI в. Подход и его анализ этой тогда заезженной, скомпроментированной реальной практикой темы вызвали бурную и неоднозначную реакцию. Представленный им абстрактно-логический взгляд на проблему был дополнен историко-системным подходом других участников дискуссии (Б. Славин, А. Фурсов, А. Бузгалин, Б. Капустин, В. Межуев, В. Данилов-Данильян, А. Гусейнов). В качестве ведущего мне пришлось констатировать неосновательность либералистских придинок к зиновьевской позиции, жестко и точно фиксирующей идейный и системный провал попыток создания успешного и процветающего “российского капитализма”, где рынок – не рынок, демократия – не демократия, и совсем “несъедобной” для большинства является свобода, когда одни запросто схватывают и проглатывают миллиардные состояния, другие же, большинство, с трудом зарабатывают на “прожиточный минимум”. Спецификой российского капитализма стало отсутствие какой-либо *общей идеи и общего дела*, чем следует объяснить отсутствие действительно жизнеспособного общества, эффективной экономики и развитой культуры. Причину идейной, мировоззренческой несостоятельности построенного “нового сарая” (как любил выражаться Зиновьев) он видел в неспособности правящего слоя даже осознать, тем более – разрешить, возникшую в результате переворота *диалектику знания и понимания*. Не случайно свою посмертную книгу “Фактор понимания” он завершит ответами на вопросы: *Кому принадлежит будущее и как его воспроизвести* (подробнее об этом см.: “Свободное слово. Альманах-2003”. М., 2005, с. 164–217; “Свободно слово. Альманах – 2007//2008”. М., 2008, с. 5–40).

5. В книгах, статьях и публичных выступлениях Зиновьева на протяжении многих десятилетий, особенно в ссылке и по возвращении на родину, ставились вопросы поистине стратегического характера и большой познавательной ценности. Они привлекли внимание общественности, но замалчивались официальными органами информации и подбострастной публицистикой. В чем проявлялись, с годами всё очевиднее и откровеннее, черты воцарившейся в стране *гласности вопиющей неслышимости*, что, естественно, отразилось на степени внимания государства и общественного признания заслуг выдающегося русского мыслителя. Будет справедливо, если предстоящее 90-летие со дня его рождения станет поводом и благодарным случаем для воздания должного нашему великому соотечественнику.

6. Вклад А.А. Зиновьева в мировую науку и культуру определит само время, а также степень консолидации интеллектуалов стран и народов эпохи глобализации. В конце жизни русский философ придет к неутешительным выводам. В частности, фиксируя возведение в ранг святости и вершины прогресса явно примитивного “машинного” интеллекта (компьютера), а также очевидное тотальное помутнение умов, дебилизацию самого толкования перспектив будущего человечества. Если люди не одумаются, грустно замечает Зиновьев, они *погибнут от собственной глупости*. К этому совету и завету стоило бы прислушаться, отнестись с сугубым вниманием вовремя и самым внимательным образом.

7. Вопрос, который после 80 лет можно задавать, не стесняясь, каждому, кому этот порог удалось, “посчастливилось”, переступить, сводится к одному, самому важному и трудному – *доволен ли ты сам, как прожил свою жизнь?* Мне не пришлось задавать его Александру Александровичу, поскольку в одном из разговоров за несколько лет до кончины он мне сказал, что *ничего бы в своей прожитой жизни не поменял*.